ХЛОПУШКА

ИРИНА РУЛЬКОВА

МАТЕРИНСКАЯ РУЛЕТКА

ИРИНА РУЛЬКОВА

Победит ли Нина Усатова чеченскую снайпершу?

Одна женщина охотится за другой. Обе — матери, обе спасают своих сыновей. Цена жизни и свободы одного — возвращение другого к отцу-чеченцу. Таков вкратце сюжет фильма "Кавказская рулетка", который снимает сейчас режиссер-постановщик Федор Попов. Это его режиссерский дебют, хотя в кино он не новичок — был и директором, и продюсером многих картин.

— Как же ты меня вычислила? — с ненавистью цедит сквозь зубы хрупкая блондинка, откидывая полосатое казенное одеяло.

— Мне Господь помог... — даже в полумраке купе видно, как блестят слезы на глазах женщины постарше. — Я три дня тебя здесь караулила. Хотела уже обратно в отряд возвращаться... ноги твоему Руслану целовать, чтоб Сереженьку моего отпустил. Они ведь его расстреляют!

— Не расстреляют. Они ему горло перережут! Но прежде тебя, дуру бестолковую, грохнут! Неужели думаешь, что я сына тебе отдам, и ты его обратно в горы повезешь?

Тут поезд дернулся, за стенкой купе зашелестела фольга, громыхнул чайник, и режиссер скомандовал: "Стоп". Когда шуршание за стенкой стихло, тайм-аут взял оператор.

— Снимать будем через несколько минут, — охрипшим голосом, выпуская облачко пара, произнес оператор **Ломер Ахвледиани** ("Старые клячи" и "Тихие омуты" Эльдара Рязанова), — когда этот уродливый дом проедем.

Актрисам тут же принесли толстые шарфы и кофты — ведь снимаются они в совсем легких блузках (по сценарию время года — теплая кавказская осень).

— Не боитесь заболеть? — шепотом спрашиваю Нину Усатову.

— Рабочий момент, — качает головой актриса, — физически гораздо тяжелее выносить ночные съемки, а на этом фильме их было много — смен 15—20. Зато днем я все окрестности объездила, была в Давидовом монастыре, в Новом Иерусалиме.

— Сцена 68, дубль 5! — врывается в наш разговор резкий удар хлопушки.

— Как же ты меня вычислила? — снова откидывает одеяло молодая пассажирка.

В почтовом вагоне, спасая грудного сына ("Я не хочу, чтоб мой сын зверем рос! Не хочу, чтобы он животы вспарывал, головы отрезал!"), бежит от войны и своего прошлого русская снайперша и любовница чеченского командира Анна — **Татьяна Мещеркина** (сериал "Сыщики"). Ее преследует мать раненого, попавшего в плен солдата Мария — **Нина Усатова** ("Холодное лето 53-го", "Окно в Париж", "Женская собственность", "Барак") — чеченцы отпустят ее сына, если она вернет в аул малыша. У каждой матери своя правда, и каждая ради спасения своего ребенка готова на все. У каждой — шанс минимальный, как в "кавказской рулетке", где в барабане нет лишь одного патрона.

Стучат колеса. Поезд, словно в детской игре, мчится по кругу. "Сегодня нам хороший машинист достался, везет мягко, не рывками, — со знанием дела говорит помощник режиссера, — за время съемок мы, наверное, не одну тысячу километров накрутили. Считайте сами: кольцо — 6 км, скорость — 30 км в час". В советские годы "вагонные" сцены снимали в павильоне, для них строили специальные декорации. Нынче это дорого, поэтому съемки идут под Щербинкой, на Экспериментальном железнодорожном кольце, где испытывается все, что связано с железной дорогой, — от тепловозов до гаек.

— Мы взяли в аренду обычный вагон, — проводит небольшую экскурсию по "почтовику" режиссер **Федор Попов**, — и все внутри перестроили. Придумали внешние площадки, чтобы осветить снаружи окна. Сделали два купе с раздвижными стенками, соорудили подобие почтового и багажного отделений. Жалко, что, когда съемки закончатся, придется все демонтировать, — такой вагон в кино бы очень пригодился.

Наконец эпизод отснят, камеру переставляют, а народ отпускают погреться да пообедать. Мы располагаемся за длинными партами в просторном классе. На доске начерчены какие-то шурупы в разрезе, из-под плакатов выглядывает табличка: "Берегите руки от уколов...". Втаскивают огромные кастрюли с едой: борщ, плов, кисель.

— Года четыре назад **Виктор Мережко** показывал мне пьесу "Кавказская рулетка", — прихлебывая горячий чай, вспоминает Нина Усатова. — Я сказала, что играть это в театре нельзя — тут нужна отдача фантастическая. Даже актеру тяжело переживать такие эмоции несколько раз. Потом решили снимать фильм, и Володя Сверба, с которым мы знакомы еще по "Холодному лету 53-го" (он там работал помощником режиссера), приехал вместе с Федором Поповым в Питер. Они меня уговорили, хотя я все время старалась не думать о съемках, как бы отодвигала их от себя.

— Почему согласились на эту роль?

— У меня самой растет сын, пятнадцать лет. Еще когда беременной ходила и мне на УЗИ сказали, что мальчик будет, не поверите, я уже тогда начала про армию думать, волноваться. Надеюсь, что вскоре наши войска станут профессиональными, что не будут совсем еще "зеленых" ребятишек забирать, — Нина Николаевна надолго задумывается, потом с горечью вспоминает, до какого изможденья довели ее племянника в армии, и это несмотря на то, что юноша мечтал служить. Незаметно разговор возвращается к съемкам. — Что спасает на таких тяжелых фильмах, как этот или, предположим, "Мусульманин", "Барак", — необычайно теплые отношения в группе, замечательная команда профессионалов, великолепные партнеры.

— Говорят, во время многих сцен у окружающих слезы наворачивались...

— Самый живой, естественный — первый дубль. Многие дубли нельзя повторить, иначе они будут игровыми. Помню, в "Мусульманине" мы с Володей Хотиненко многие сцены не репетировали, он говорил: "Вижу, ты поняла, все. Не трать нервы". Массовка зачастую даже не знала, что будет делать...

— Когда мы снимали на Кавказе, у нас замечательная массовка была, — подключается к разговору подошедший режиссер, — они наивные, эмоциональные, словно дети. И стремились не только у Нины Николаевны взять автограф, но и у всей группы, даже у костюмеров и осветителей, как же — люди "из кино"!

— Мне одна старушка запомнилась, — припоминает Татьяна Мещеркина, — она на перроне семечками торговала и в кино отказалась сниматься. Как же, говорит, я ведь здесь на работе, семечки продаю. "То же самое будете делать и на съемочной площадке", — объясняют ей. Она ни в какую: "Мне нужно все продать". Когда же наш администратор купил у бабульки весь этот мешок — дюжину стаканов по три рубля, — она даже заплакала от волнения: "Как же я с такой огромной выручкой домой пойду! Еще ограбят".

— А знаете, какое событие самое важное в жизни чеченца? — неожиданно поинтересовался Попов. — Нет, не свадьба, не принятие ислама. Рождение сына — джигита, воина Аллаха. Мы специальных консультантов брали, узнавали местные обычаи, хотя многое осталось за кадром. Ведь кино — это прежде всего подробности, и они должны быть достоверными. Например, посторонняя, другой национальности девушка не сразу становится женой чеченца — нужен адаптационный период (иногда до полугода и более), когда она живет в другом доме, не с родными мужа, перенимает обычаи, уклад жизни.

— Почему для режиссерского дебюта вы выбрали именно чеченскую тему?

— Всегда интересовался политикой, а тут сначала понравилось название, потом необыкновенно захватила пьеса. Это же настоящая психологическая дуэль двух необыкновенно сильных женщин!

— Как подбирали актеров на главные роли?

— На роль Марии актрису искали долго — хотели попробовать и Алису Фрейндлих, и Инну Чурикову. Но в каждом случае, вы понимаете, была бы совсем другая история. Остановились на кандидатуре Нины Николаевны — привлекла в ней какая-то необыкновенная простота, душевность, близость к народу. Татьяну Мещеркину тоже выбрали не сразу. Она пробовалась, но неудачно. Не зацепила ее фотография — такой вал кандидатур. Потом увидел ее на пробах у друга и был поражен — такая обаятельная — как я мог пропустить! Мы чуть не ошиблись, утвердили другую девушку, провели день съемок, но, к счастью, все успели исправить. У **Анатолия Горячева** (артиста театра "Эрмитаж" и новичка в кино) тоже роль непростая — он и веселый, и хитрый, и добрый. Он играет проводника в том самом вагоне, где встречаются наши героини. Это отдушина в сей драме, иначе зрителю не вынести накал страстей.

— В эпизодах у вас тоже замечательные актеры снялись...

— В одном из эпизодов снялся мой друг **Сергей Гармаш**. "Работал" у нас и совсем юный, можно даже сказать, грудной артист. Нашли мы его в военном городке, рядом с которым проходили наши съемки на Кавказе. Малыш попался спокойный, некапризный, да и мама постоянно находилась с ним. Как-то по сценарию требовалось, чтобы ребенок улыбнулся. Что мы ни делали — все бесполезно, малыш сонный, солнце уходит, простой. Вся группа ему рожи строит, а он серьезен, как на экзамене. Правда, в конце концов мои гримасы его все-таки развеселили.

— Вы работали с мэтрами нашего кино, чему-то от них научились?

— Больше всего на меня повлияли три художника. Прежде всего мой учитель Сергей Александрович Соловьев. По его работе я понял, что кино — это не идеи, не абстрактный смысл, а чувства, кино — то, что делаешь по наитию. С Глебом Панфиловым провел пять лет и, думаю, научился у него требовательности, бескомпромиссности ("Мать"). С Андроном Кончаловским, пожалуй, самым западным нашим режиссером, мы работали в тяжелых условиях русской глубинки ("Курочка Ряба"). В высшей степени собранный и реальный человек, всегда знает, чего хочет добиться, великолепно организует весь процесс.

Перерыв закончился, пора снова в вагон. По узкому настилу проходим в тамбур, актрисы снимают пальто и кофты, оператор поправляет занавеску, чтобы не было видно заснеженного пейзажа. Поезд снова мчится по кругу. Русские (хотя и бабы), как положено, демонстрируют широту души: швыряют деньги на ветер, дерутся и изливают душу. Даже натюрморт неизменный — бутылка водки.

— Беременной тоже стреляла? — крестится Мария.

— Что ты причитаешь! — неожиданно взрывается Анна. — Мне за это платили! Тысячу баксов за убитого, пятьсот за раненого... И за твоего сына заплатили! Могу отдать...

Светлана ПЛЕШАКОВА.